

Содержание

Введение	5
Глава I. История заселения района. Образование волости	10
Переселенческое движение и его последствия.....	17
Глава II. Эпоха революции и гражданской войны	29
«Военный коммунизм» в деревне	43
Глава III. Годы НЭПа: от упадка к восстановлению. Образование района.....	52
Глава IV. Новый переворот в деревне. Трагедия коллективизации. Создание колхозного строя.....	72
Глава V. Война и люди в провинции	103
Глава VI. Послевоенное восстановление.....	124
Глава VII. Социально-экономическое развитие района в 1950-е — 1980-е годы.....	147
Заключение	170
Приложение. Материалы и документы	173
Приложение 1.....	173
Приложение 2. «Кулацкая операция» НКВД по приказу № 00447 в Краснозёрском районе в 1937–1938 гг.....	220
Приложение 3. Жертвы политических репрессий в Краснозёрском районе	240
Приложение 4. Список семей, подвергшихся принудительному выселению в ходе коллективизации 1930–1931 гг.....	357
Приложение 5. Список крестьянских семей, высланных из Карасукского (Краснозёрского) района в ходе кампании «ликвидации кулачества» в марте — июне 1931 г.	379

Приложение 7. Жители района, удостоенные звания

Героя Социалистического Труда.....	392
Список сокращений	393
Библиография.....	394

Введение

Краснозерский район — небольшая частица современной России — расположен на южной окраине Новосибирской области, в плодородной зоне Кулундинской степи, на территории с площадью 5,3 тыс. кв. км. Это один из важных и крупных земледельческих районов, население которого занято в основном производством зерновой и животноводческой продукции разнообразных видов, а также их переработкой. Как и в других сельскохозяйственных районах Сибири, здесь сохраняется большой земельный простор и невысокая плотность населения — 40 тыс. жителей расселены в 50 больших и малых поселках, удаленных друг от друга на расстоянии от 20 до 40 км, как это сложилось еще в XIX — начале XX веков.

Письменная история района началась с 80-х годов XVIII века, со времени образования первых крестьянских поселков в составе Алтайского Горного округа и организации учета прибывающего населения. Барнаульская горная администрация той эпохи, ограниченная условиями передвижения по бескрайним землям и неразвитостью коммуникаций на диких, большей частью совершенно безлюдных пространствах, очень редко навевывалась в отдаленные части округа, к которым принадлежала Кулунда, и долгое время почти не имела сведений о том, что происходило на этой территории. Едва ли не единственным источником о местной жизни являлись государственные ревизии, проводившиеся регулярно, начиная с 1763 г. На их основе учитывалось несколько важных сторон общественного развития, включая численность податного населения и его возрастной состав, трудовые занятия крестьян, рост местного хозяйства. Однако вся остальная социальная жизнь населения Кулунды оставалась практически вне поля зрения администрации. Систематическая информация о крае и его жителях появляется только с 20-х годов XIX века как результат повсеместного перехода к волостному делению и соответствующего ему местному управлению. На территории современного Краснозерского района создается первое административно-территориальное образование — волость; учреждается волостное правление (старшина, канцелярия, волостной суд) и волостной сход. Поток местной информации (переписка

и разного рода прошения) начинает поступать в Барнаульскую канцелярию Горного округа и в Томское губернское управление. Но основная часть документации, конечно, формируется в самой волости.

Более интенсивное накопление разнообразных сведений связано с началом массового колонизационного движения 80-х годов XIX века. С широкой волной крестьянских переселений, захвативших районы Кулунды, разворачивается экономико-географическое и статистическое изучение края; появляются первые специальные исследования, в которых местная крестьянская жизнь находит детальное отражение. В числе подобных описаний особенно выделяется труд Н. А. Ваганова, впервые давшего детальную характеристику Карасукской волости по результатам специального обследования, проведенного в 1882 г. (*Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. — СПб., 1886*). В более позднюю эпоху к ней также добавилось интересное исследование С. П. Швецова (*Описание переселенческих поселков. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистических исследований в 1894 году. Алтайский сборник. Т. IV, вып. 2. — Барнаул, 1899*).

Революционная эпоха начала XX века кардинально изменяет весь процесс дальнейшего накопления и сохранения источников. На несколько лет формирование надежной документальной базы прекращается. Более того, в результате серии государственных переворотов, смены власти и последующей гражданской войны исчезает целый пласт ранее накопленной информации, в том числе один из главных источников изучения досоветской истории района — фонд волостного правления. Сохранились лишь его небольшие фрагменты, относящиеся к проблемам землеустройства в период массовой колонизации волости в начале XX века. На базе этих немногочисленных уцелевших материалов, к сожалению, уже невозможно получить представление о частных сельских событиях — нет почвы для восстановления каких-либо деталей местной жизни.

В последующий период положение заметно стабилизируется. В 1920–1921 гг., когда переходу власти из рук в руки был положен конец, создание местной документальной базы начинается практически с нуля. Появление советских органов вла-

сти и управления (партячек, волостного комитета РКП(б), волысполкома, сельских советов, земельных и других организаций) положило начало формированию источников нового (партийно-советского) типа. Несмотря на их политико-идеологическую природу, эти источники весьма разнообразны, информативны и играют очень важную роль в освещении советского прошлого. Масштабы полезной информации еще более возрастают в связи с образованием в 1924 г. Карасукского (Краснозерского) района как административной единицы Сибирского края и учреждением райкома партии большевиков и райисполкома. Повседневная деятельность этих институтов порождает массу подробных документов о разнообразных аспектах жизни района — экономическом и социальном развитии, общественных настроениях, политико-идеологических кампаниях и т. д. На основе справочных обзоров, отчетности и текущего делопроизводства районных организаций 1920–1930-х гг. формируется пестрая картина важных и переломных событий местной истории — возрождение экономики района в условиях нэпа, переход к насильственной коллективизации, организация и проведение массовых депортаций сельских хозяев, формирование колхозно-совхозной системы, адаптация населения к новым формам политики и социально-экономического устройства. Возможности описания советской жизни первичного (районного) уровня были бы значительно шире, если бы документы наиболее значимых сельских организаций в свое время не подверглись радикальной чистке. По современному состоянию основного круга источников можно заключить, что архивные материалы сталинской эпохи претерпели существенную «санацию»: в результате изъятий заметно сократились фонды райкома ВКП(б) КПСС и райисполкома (в ряде случаев отчетность 1928–1930 гг. превосходит объемы сохранившегося делопроизводства последующих периодов), оказались полностью утраченными фонды народного суда, районной прокуратуры, политотделов совхозов и МТС. Целенаправленное уничтожение перечисленных материалов характерно не только для данного района. Оно представляет собой типичную сторону советской политической и делопроизводственной культуры в отношении архивов низового происхождения.

Колоритным источником изучения прошлого района является местная периодическая печать — уездная, окружная и районная газеты. Для анализа советского времени это один из самых тенденциозных носителей информации. В течение нескольких десятилетий советская районная пресса служила поставщиком партийных директив или выступала в роли пропагандистского наставника по их исполнению. Тем не менее, за ширмой идеологии и агитационной риторики здесь в своеобразной форме также предстает повседневная жизнь людей с ее заботами, интересами и надеждами. Значение местной периодики следует достойно оценивать и в том отношении, что в некоторых случаях она оказывалась единственным источником для адекватного освещения советской действительности минувших десятилетий.

В процессе написания работы автор использовал научную методологию, сочетающую два принципиальных подхода. Прежде всего, анализ жизни сибирской деревни основывался на синтезе общественной и политической истории России. В то же время особое внимание в работе уделялось роли политических факторов. Было вполне очевидно, что для досоветского периода определяющей чертой развития местной жизни являлась естественная эволюция социальной и экономической структуры. Масштабы и содержание перемен в регионе в дореволюционную эпоху определялись в основном стихийными процессами в крестьянской среде: с конца XIX века крестьяне сами выбирали формы хозяйствования, средства и пути семейного обустройства в соответствии с принятой традицией или открывающимися новыми возможностями. Внешние влияния на жизнь деревни имели временный (как, например, война) или случайный характер, а социальные формы жизни деревни преимущественно зависели от процессов самоорганизации крестьян. С наступлением советской эпохи положение стало принципиально иным — естественная эволюция сменилась резким вторжением политических факторов. С конца 1920-х годов деревенское сообщество превратилось в объект глобального политэкономического эксперимента, содержание которого сводилось к упразднению традиционного образа жизни и созданию «советской деревни». На несколько десятилетий (вплоть до завершения «перестройки») политика стала

регулирующим началом во всех аспектах развития села. Исходя из этого, ключевые события, пережитые сельским сообществом в XX веке, рассматриваются в книге в контексте общегосударственных процессов как закономерное следствие деятельности государственных и политических институтов и как результат осуществления крупных социально-политических программ.

Глава I

История заселения района. Образование волости

Кулундинская степная зона, в пределах которой находится современный Краснозерский район, была включена в состав Российской Империи в начале XVIII века. Её земли, расположенные по рекам Чулым, Карасук и Бурла, считались владениями барабинских татар и входили в ведомство города Тары¹. В середине XVIII в., в результате возникновения на Алтае горно-металлургии-ческих предприятий и рудников, территория к югу от Барабы перешла под управление Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и превратилась в итоге в северо-западную окраину Алтайского Горного округа. В течение нескольких десятилетий пространства Кулунды оставались совершенно свободными, но администрация округа не разрешала вольным земледельцам, искавшим незанятые пространства, переселяться на эти земли. Только к середине века сюда стали проникать первые русские поселенцы из крестьян соседних регионов и таким образом было положено начало процессу освоения новой территории.

Возникновение первых постоянных поселений в современных границах района относится к 70–80-м годам XVIII в. Архивные источники позволяют установить, что самыми ранними населенными пунктами были деревни Карасук, Нижнекарасук (Нижнечеремошное) и Полойка. Они входили в состав Малышевской слободы Бурлинского уезда Колыванской губернии. Сама же Колыванская губерния являлась частью обширного Алтайского Горного округа, представлявшего собой территорию под управлением Кабинета правившего императора (императрицы). Эти поселки, как и большинство других старейших населенных пунктов Кулундинской зоны, возникли не в результате вольного крестьянского переселения, как сотни других деревень Сибири, а вследствие определенной правительственной политики, предусматривавшей более интенсивное заселение свободных, благоприятных для земледелия про-

---

¹ См.: Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. — Омск, 1973. С. 295.

странств Алтайского Горного округа, что в конечном счете позволяло бы увеличить численность податного населения. Крестьянские семьи переводились сюда из уже существовавших поселений Западной Сибири и расселялись в зоне Кулундинской степи по распоряжению Канцелярии горного начальства, ведавшей практически всем, что происходило в пределах Алтайского округа. Это были приписные крестьяне, то есть приписанные к Алтайским горным заводам с обязанностью исполнять целый ряд повинностей в пользу горнозаводского управления.

Приписка крестьян к заводам началась со времени открытия первых заводов — с 30-х годов XVIII в. Поселяясь на обширных землях, принадлежащих заводам, и получая право пользования этими землями первое время без всякого ограничения размера, приписные крестьяне обязывались, с одной стороны, исполнять все виды барщины в виде некоторых вспомогательных работ для заводов, например, перевозить руду и топливо, содержать дороги и т. п., с другой — нести одинаковые со всеми государственными крестьянами подати и повинности. Но крестьяне, поселявшиеся в самых отдаленных частях округа, таких как Кулундинская степь, освобождались от горнозаводских работ и оставались на положении оброчных крестьян, т. е. обязаны были платить хлебный оброк.

Один из ранних документов архивного фонда горной экспедиции Алтайского округа, содержащий «именные списки переписи населения Колыванской губернии», датированный 1782 годом, сообщает, что «деревня Карасуцкая заведена после ревизии 1763 г.» (имеется в виду третья демографическая перепись в Российской Империи). В списках содержатся также имена первых её жителей. «В силу указа из бывшей канцелярии Горного начальства», — говорится в документе, с 1773 г. в этой деревне поселились крестьяне Семен Кондратьев с женой Ириной и детьми, Семен, Григорий, Федор и Дмитрий Пирогоеды с семьями, Степан Гуляев с женой Устиньей и детьми. В последующие годы в деревню Карасук («Карасуцкую» — по первоначальному названию) было переведено еще несколько крестьянских семей: в 1779 г. из деревни Ордынской, Бердского острога, прибыла семья Ермолая Вдовина; в 1781 г. приселились Авдей Степанович Гуляев, 38-ми лет, а с ним его братья — Гаврило и Андрей, дочери-девицы Парасева, Настасья,

Дарья... Другими поселенцами были также Осип Михайлович Кайгородов, 53-х лет, «переведен из Чаусского острога», а с ним жена Марья и дети, имеющие собственные семьи — Григорий и Никифор Кайгородовы, с ними — Григорий Зяблов и несколько других семейств. Произведенный в 1782 г. учет крестьянского населения показал, что в «Карасуцкой деревне» состояло «налицо с прибывшими и вновь рожденными 74 человека мужского пола и 81 женского»².

Аналогичным образом возникали и другие старейшие поселения района. «Деревня Полойская заведена вновь после бывшей в 1763 году ревизии»; в 1778 г. в нее были переведены «в силу указа из бывшей Канцелярии Горного начальства» первые жители — некий Дорофейка, а также Андрей Останин с семьей и другие. В 1782 г. общее население здесь составляло 12 лиц мужского пола и 9 женского. Также «после 1763 года ревизии» была «заведена деревня Нижнекарасуцкая» (Черемошная). Ее первым жителем перепись называет Ивана Сергеева, выходца из деревни Гутово, Малышевской слободы, переведенного сюда в 1781 г.³

Многообразие сведений, зафиксированных в материалах ранних переписей населения на Алтае, дает основание установить вполне определенную дату возникновения первых населенных пунктов района: Карасук (Краснозерское) — 1773 г., Полойка и Нижнекарасук (Нижнечеремошное) — 1778 г.⁴.

С каждым годом население края прибавлялось как в результате естественного прироста, так и продолжавшихся переселений крестьянских семей из других мест. Возникали новые хутора и поселки, главным образом вблизи естественных водных источников — по берегам рек и озер. Процесс заселения и хозяйственного освоения края протекал настолько интенсивно, что уже через четыре десятилетия управление Алтайского округа вынуждено было произвести здесь внутреннее размежевание и выделение особой административно-территориальной единицы. К 1823 г. из Бурлинской волости были выделена самостоятельная Карасукская волость, в кото-

---

² ЦХАФАК, ф. 169, оп. 1, д. 182, л. 132, 138, 141–151.

³ Там же, л. 140, 152.

⁴ См. также: Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул, 1974. С. 139.

рой числилось 38 населенных пунктов с 2157 жителями мужского пола⁵. Волость охватывала территорию, значительно превосходящую площадь современного Краснозерского района. Границы её простирались с севера от поселков на реках Каргат и Чулым (дер. Усть-Сумы, Аткуль, Ярки) — до реки Бурла и озер Песчаное и Топольное (нынешнего Алтайского края) — на юге. Так было положено начало существованию района как административной единицы: все последующие изменения границ этой территории приводили лишь к постепенному сокращению масштабов прежней Карасукской волости.

В течение дальнейших ста с лишним лет в пределах волости шел постепенный приток новых поселенцев. Одновременно увеличивалось количество жителей за счет высокой рождаемости. Начавшееся переселенческое движение из Европейской части России, сначала незначительное, а затем все более и более интенсивное, было основным источником роста старожильческих поселков, а также причиной появления целого ряда новых деревень. Серьезных препятствий для поселения на новых местах практически не было, как не было и твердых правил для получения земли, поэтому колонизация по большей части представляла собой стихийный процесс. Каждый, кто приходил со стороны, мог свободно выбрать понравившийся ему участок и начать здесь новую жизнь. При сравнительно слабой административной организации того времени в Алтайском округе часть переселенцев занимала выбранную территорию самовольно, в составе группы или отдельной семьей.

По данным за 1827–1830 гг. в составе Карасукской волости уже насчитывалось 46 населенных пунктов, включая деревни Мохнатый Лог (46 душ муж. пола), Полойская (47 душ м. п.), Половинное (43), Конёво (85), Зубково (Зобкова, 38 душ), Нижнечеремoshная (53), Баганенок (21), Лобино, Лотошное, Казанак и ряд других. В волостном селе Карасук в этот период проживало 300–350 человек⁶. (Официальные ревизии первой половины XIX в. учитывали только лиц мужского пола). За столетие, прошедшее с момента образования первых поселков, в волости сформировалось постоянное (старожильческое)

---

⁵ Колесников А. Д. Указ. соч. С. 297.

⁶ ЦХАФАК, ф. 1, оп. 3, д. 28, л. 107–119. (Алфавитный каталог селениям Томской губернии, Барнаульского округа, Карасукской волости).

население, основу которого составляли русские крестьянские семьи по 5–7 человек, занимавшиеся исключительно сельскохозяйственным трудом. К числу наиболее ранних и самых многочисленных старожильческих родов принадлежали семьи Гуляевых, Кайгородовых, Бубенновых, Переберинных, Пономаревых, Скажутиных, Завориных, Толстиковых, Щепетинных... (см. *Прил. 1*). Некоторые из них за одно–два поколения смогли создать довольно крупные хозяйства, насчитывающие по 15–20–30 лошадей и столько же коров на двор, в то время как основная часть старожилов имела в среднем по 5–9 голов скота.

Еще до отмены крепостного права в России кулундинские крестьяне пользовались определенными преимуществами своего удаленного и поэтому более свободного положения в степном необжитом крае. В отличие от остальных удельных крестьян они несли менее обременительные повинности. В 50-е годы XIX в. с них взимались: подушная подать по 86 коп., оброчная подать по 2 руб. 29 коп. (в европейской части в этот период крестьяне уплачивали от 10 до 17 руб.) и межевой сбор — по 3 коп. с ревизской души. С отменой крепостного состояния был отменен и статус приписных крестьян. Они становились обычными крестьянами–арендаторами. С 1864 г. все прежние повинности для них были заменены единым шести рублевым оброком с сохранением 3-х копеечного сбора с души на межевание⁷. Но главным и неоспоримым преимуществом сибиряков являлся земельный простор. Хотя земля и не была собственностью земледельца, каждый желающий мог беспрепятственно пользоваться таким наделом, какой в состоянии был обработать. Нормой земельного надела на одного члена крестьянской семьи считалось 15 десятин (16,4 га). Однако к 1882 г., несмотря на возросший приток переселенцев, в Карасукской волости на каждого жителя приходилось в среднем по 85 десятин удобной земли (93 га), но обрабатывалось лишь по 3,2 десятины (или по 6,4 десятины — т. е. 7 га — на одного работника), остальная площадь «пустовала за отсутствием населения, следовательно, и рабочих рук»⁸.

---

⁷ Более подробное описание крестьянских повинностей в волости дано в *Прил. 1*, в документе № 1.

⁸ Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. — Спб., 1886. С. 45.

Основу крестьянской социальной организации с конца XVIII и в XIX веке составляли самоуправляемые сельские общества с выборными старостами во главе. В Карасукской волости существовало 15 сельских обществ, включавших население лежащих неподалеку друг от друга поселков. Представители (выборщики) от этих обществ ежегодно собирались на волостные сходы, на которых избиралось волостное правление и решались дела общеволостного значения. К последним относились вопросы распределения по обществам оброчной подати, натуральных повинностей и разрешение споров о различных угодьях (лесах, рощах, покосах), принадлежащих иногда всей волости, а иногда нескольким общинам. Никакого вмешательства администрации в крестьянские дела не было: сельское самоуправление самостоятельно регулировало все возникающие проблемы, а влияние уездных и прочих властей ограничивалось лишь контролем за уплатой платежей и выполнением населением натуральных повинностей. Многочисленные подати и повинности являлись центральной темой в жизни деревенских домохозяев. Они отнимали большую половину всего годового заработка крестьянина и поэтому привлекали самое пристальное внимание общественного собрания. В 1898 г. исследователь П. Сущинский в этой связи писал: «Земля не имеет той власти, как повсюду в России. На Алтае нет еще поземельной ренты, труд ценится очень высоко и годный работник в крестьянской семье есть один из главных источников ее благосостояния. Поэтому подать и натура отнимают здесь значительную долю труда годных работников, являются одним из животрепещущих вопросов крестьянского схода. Ни один вопрос не вызывает таких дебатов, энтузиазма и горячности на каждом сельском сходе как вопрос о раскладе податей внутри обществ. Неимущие крестьяне и крестьяне среднего достатка обычно объединяются вместе, и таким образом постепенно одерживается победа двумя третями голосов схода над богатыми крестьянами»⁹. Следовательно, крестьянская демократия позволяла относительно равномерно распределять государственные подати по уровню благосостояния или,

---

⁹ Сущинский П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае. (Исследование на месте). — Спб., 1898. С. 10.

как говорили крестьяне, «по состоянию» отдельных семейств составляющих общество.

Местная выборная власть в волости была немногочисленна. Каждый год на волостном сходе из местных крестьян избирался волостной старшина (в первой половине XIX в. — волостной голова), которому устанавливалось определенное жалование с одновременным освобождением от денежных и натуральных повинностей. В ряде случаев старшину избирали на два или три году. Ввиду постоянной сменяемости выборных лиц на этой должности в документах XIX века сохранилось множество имен карасукских волостных начальников: в 1825 г. — Иван Григорьевич Кайгородов, «из крестьян деревни Коневых озер»; в 1826 — Потап Константинович Клобуков, «из крестьян деревни Топольной»; в 1827 — Андрей Петрович Пономарев, «из крестьян самой волости»...¹⁰

В сельских обществах действовали выборные старосты (сотские) — по числу обществ, 15 человек. Они избирались на полгода и служили без жалованья, но освобождались от натуральных повинностей. Очень влиятельной и в то же время редко сменяемой административной фигурой являлся волостной писарь, в руках которого сосредотачивалась вся деловая документация волости и переписка. Писарь утверждался волостным сходом из числа наиболее грамотных людей, иногда специально присланных уездным или губернским начальством. Кроме него на местах служили по найму еще несколько сельских писарей, назначаемых волостным старшиной с согласия сельских сходов.

Разбором возникающих конфликтов в волости занимались местные судьи. Исследователь Н. А. Ваганов, проводивший в 1882 г. всестороннее изучение Карасукской волости, отмечал, однако, что судебная власть пользовалась невысоким престижем в среде крестьян. Он писал: «В волости шесть волостных судей, служат без жалованья, между собой чередуются помесечно. Разборы происходят иногда на местах, в селениях. Вообще дел немного; крестьяне редко обращаются к волост-

---

¹⁰ ЦХАФАК, ф. 1, оп. 3, д. 35, л. 325–325 об.

ному суду, предпочитая либо разрешение дела сельским сходом, либо разбирательство обычным судом старых людей»¹¹.

Переселенческое движение и его последствия

До начала 80-х годов XIX в. крестьянская жизнь в Кулундинской зоне сохраняла тот жизненный уклад и патриархальные черты, которые сложились в предшествующее столетие. Но в конце XIX в. социально-экономическое положение в волости, как и во всем Алтайском округе, существенно изменилось. Наступило время бурных событий и ярких перемен, захвативших практически все население обширного края до самого отдаленного его уголка: Кулундинская степь оказалась вовлеченной в круговорот общероссийских процессов и стала важным звеном великого переселенческого движения.

Еще в первой половине XIX в. Алтайский Горный округ официально считался закрытым для колонизации. Поэтому отдельные переселенцы, прибывавшие сюда из европейской России и расселявшиеся среди старожилов, жили, так сказать, нелегально, без причисления к сельским обществам. Местная администрация по большей части смотрела на это сквозь пальцы, а в отдельных случаях выживала «самовольных переселенцев» с кабинетской земли. Более благосклонным и дружелюбным было старожильческое население. Оно охотно принимало новых граждан, выделявших из своей среды весьма значительный контингент наемной рабочей силы, в которой так нуждалось старожильческое хозяйство.

Официальное разрешение переселения в Алтайский округ последовало в 1865 г., с принятием правительством Александра II особых правил расселения на Алтае. Крестьянам-новоселам было позволено селиться на свободных кабинетских землях, образуя самостоятельные поселки, либо приписываться к старым сельским обществам с согласия последних и с разрешения Алтайского Горного управления. На них распространялись те же условия, что и для местных бывших приписных крестьян: шести рублевый оброк за пользование пашней и сенокосом, право на определенное количество бревен и

---

¹¹ Ваганов Н. А. Указ. соч. С. 50. (См. Прил. 1.)

дров, а также пользование участком удобной земли в размере *не менее* 15 десятин на душу. Никаких денежных компенсаций, пособий или кредитов переселенцу не полагалось¹². Но и этих условий было достаточно, чтобы переселению открылся широкий доступ.

Неурожаи и голод в европейской части России 80-х и 90-х годов XIX века значительно ускорили движение крестьянской массы в направлении к Сибири. Вместо прежних сотен переселенцев на алтайские земли устремился огромный людской поток. За счет прибывающих новоселов резко стала возрастать общая численность населения в регионе. В пределах Карасукской волости было организовано сразу несколько переселенческих участков, откуда пошло расселение по всей свободной территории. В 1886 г. в 50 верстах от волостного центра переселенцы большой массой вселились в небольшой старожильческий поселок Лобино и фактически создали новое село, а в 1893 г. ими был основан поселок Петропавловский. В каждом из них расселилось по тысяче с лишним человек — почти вдвое больше, чем проживало в это время в волостном селе Карасук. Роль переселенческих участков выполняли также и другие старожильческие села. В Лотошном переселенческий участок возник в 1897 г., после чего он превратился в одно из самых крупных поселений в волости. В 1894 г. переселенческим участком стал поселок Веселый (Сарапулова заимка)¹³.

Выбор конкретного места или деревни для переселенцев зависел от многих факторов, часто совершенно случайных, но предпочтение все же отдавалось старожильческим поселкам, где текла налаженная жизнь и можно было рассчитывать на определенную поддержку соседей. В этой связи один из современников, исследователь П. Сущинский, отмечал: «Переселенцы с меньшею охотой образуют новые поселки, а больше стремятся к приселению, особенно к тем поселкам, к которым открыт еще доступ. Некоторые селения старожиллов положительно напоминают старые ульи пчел, от которых постоянно

---

¹² Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Под ред. П. А. Голубева. — Томск, 1890. С. 330–331.

¹³ Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. — Барнаул, 1900. С. 6, 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru